

И. В. Малыгина²

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ: ОТ ИДЕИ НАЦИИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

Тот факт, что проблема национализма, насчитывающая по меньшей мере двухсотлетнюю историю,

² Заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного института культуры, доктор философских наук, профессор. Автор более 100 публикаций, в т. ч.: «В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности», «Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика», «Россия на рубежах истории и границах цивилизаций», «Российская идентичность в контексте культурных “разломов” глобального и локального», «Идентификационный ресурс культурной памяти: от “помнящей культуры” к “культуре забвения”» и др. Член Российского культурологического общества.

к сегодняшнему дню не только не исчезла из международного социально-гуманитарного дискурса, но выходит на новый виток обсуждения, лишней раз говорит о том, что глобальной культуры не случилось, а вопросы самоопределения и национальной идентичности приобретают в современном мире особый смысл и дополнительную остроту. В ряду идентификационных стратегий теории и практики национализма неожиданно стали востребованными в разных регионах мира.

Сложная природа данного явления и отсутствие общепринятой дефиниции привели к самым противоречивым интерпретациям и оценкам национализма: от его осуждения как кризисного явления и деструктивной формы культурно-исторического процесса до культиви-

рования в качестве здорового признака независимости народа. Мы же склонны рассматривать национализм как форму этнокультурной идентичности.

Этнокультурная идентичность — сложный социально-психологический феномен, содержание которого включает осознание индивидом единства с этнонациональным образованием (этносом, нацией) на основе разделяемой культуры; глубинное эмоциональное, почти сакральное переживание этого единства и, наконец, культурные практики манифестации этого единства, как индивидуально-личностные, так и коллективные.

Таким образом, сложная структура идентичности представляет собой три взаимосвязанных компонента, образующих *устойчивую синхроническую «горизонталь»*: рефлексивный, эмоциональный и поведенческий.

Вместе с тем в структуре этнокультурной идентичности на том или ином этапе социокультурной динамики можно обнаружить несколько разновременных «слоев», образующих ее динамическую *диахроническую «вертикаль»*. Образно этнокультурную идентичность можно представить в виде перевернутой пирамиды, основание которой образует родовая идентичность, средний слой — этническая идентичность и верхний, самый широкий слой — национальная идентичность. При этом выделенные слои следует рассматривать как последовательные исторические модификации этнокультурной идентичности, которые в процессе исторической динамики не отрицали друг друга, а развивались по принципу взаимодополнительности.

Можно зафиксировать наличие некоторых устойчивых закономерностей, чрезвычайно важных для понимания природы национализма: на каждой новой исторической стадии произошла не отмена, а частичная трансформация, адаптация и синтез традиционных и актуальных (приоритетных) идентификационных оснований. Они не просто заменяют старые, но сосуществуют, взаимодействуют, образуют все более сложные, иерархически организованные системы. В итоге в «активе» идентификационных оснований субъектов национальных сообществ оказываются результаты сложившейся иерархической вертикали. Это значит, что во многих случаях люди нормально и, что важно, одновременно живут в двух или нескольких системах этнонациональных координат. Как результат, национальная идентичность сохраняет в своей структуре и «парадигму родства», и этнокультурные основания социальной консолидации (этнолингвистические, этноконфессиональные и др.), преломляя их, однако, через призму унифицированной гражданской идентичности.

Именно поэтому национальная идентичность носит прецедентный характер, и в условиях конкретной исторической ситуации может произойти актуализация любого из идентификационных оснований в зависимости от того, какой грани национальной целостности — территориальной, политической, языковой, конфессиональной или иной — угрожают *реальные или воображаемые* вызовы, деформации, разрушения, или может возникнуть их симультанная комбинация.

Наиболее ярко и показательно вся сложность национальной идентичности проявляется в феномене на-

ционализма, в различных видах которого актуализируются либо архаические родовые, либо этнокультурные, либо политические основания социальной консолидации. Отсюда — многообразие форм проявления национализма: расовый (тяготеющий к «чистоте крови»), лингвистический, религиозный, гражданский и др.

Существует мнение, что каждый народ в чем-то и в какой-то степени националист: «Американец понимает это как гордость тем типом либерально-рыночной цивилизации, которая сложилась в США, и совершенно не принимает в расчет ни этнические, ни расовые, ни государственные критерии. Французский националист всегда немного якобинец, сторонник «единой и неделимой Франции», его в первую очередь волнует принадлежность к французской культуре и лояльность государству, а потом уже этнический компонент. Немецкий национализм, напротив, носит чисто этнический, даже расовый характер. Национализм сербов и румын — подчеркнуто православный. Национализм испанцев — католический. Национализм португальцев и галисийцев («саудаде») — мистико-трагический. Национализм евреев — религиозный и мессианский... Русский национализм является, безусловно, религиозным, а точнее, православным, мессианским и эсхатологическим»¹.

Можно возразить автору по поводу приведенных оценок, поскольку ни одна из этих характеристик, пожалуй, не может претендовать на роль константы, определяющей континуальность историко-культурного развития любого из названных народов. Смена исторических обстоятельств, трансформация культурных связей или социально-политических приоритетов — любой из этих факторов способен стимулировать изменения в комплексе идентификационных стратегий и внутренних побуждений к этнонациональной консолидации.

С другой стороны, в один и тот же исторический момент для разных частей общности могут быть актуальны различные основания национальной идентичности.

Тем не менее данное мнение представляет для нас интерес в силу того, что все перечисленные определения «этнических национализмов» указывают на возможность существования различных оснований национальной идентичности, обусловленных уникальностью исторического опыта и культурного развития того или иного народа и являющихся доминантными основаниями социальной солидарности у разных народов или частей народа в *той или иной исторический период*.

Подобное многообразие форм проявления национализма, а также разночтения в интерпретациях этого понятия делают весьма актуальными и методологически важными выявление некоей универсальной сущности национализма и осмысление его как целостного феномена. В противном случае мы всякий раз будем иметь дело с набором уникальных конкретно-исторических форм его проявления, не поддающихся сколько-нибудь системному анализу.

Для решения этой задачи представляется продуктивным осмысление той эволюции, которую феномен

¹ Дугин А. Апология национализма. URL: <http://arctogaia.com/public/konsrev/natio.htm>

национализма прошел с течением времени и которая, как представляется, позволяет зафиксировать некоторые универсальные закономерности.

Если вспомнить, что суть первых национальных теорий составляло требование, приписываемое Наполеону: «Одна нация — одно государство»¹, то обнаружится, что первоначальный национализм означал принцип, предписывающий совпадение политических и этнических границ, иными словами, был ориентирован на совмещение государственных и этнокультурных единиц². По сути, ранний национализм воплощал *идею нации* — принципиально новый подход к мировому устройству, территориальному размежеванию народов, который в XVIII–XIX веках пришел на смену полиэтничным монархиям, построенным по династическому принципу. Таким образом, первоначальный смысл национализма был связан с теорией и практикой строительства государства, характеризующегося этнической и культурной однородностью³.

Однако идея нации изначально содержала в себе неразрешимое онтологическое противоречие. Поскольку абсолютно гомогенное в этнокультурном отношении общество возможно только гипотетически, постольку довольно сложно абстрагироваться от очевидности, что процесс нациестроительства, целью которого является этнокультурная однородность общества, почти всегда основан на реальном историко-культурном доминировании одного из этносов «национализующегося» государства. При этом все прочие народы, оказавшиеся в границах данного национального государства, приобретали зависимое положение. В таких условиях арсенал методов достижения этнокультурной однородности не исключал принудительной культурной ассимиляции, насильственной депортации некоренных народов, актов геноцида и т. д. Добавим к этому активную колонизацию Азии и Африки, протекавшую на протяжении XVIII–XIX веков, и станет понятно, почему впоследствии под национализмом стала подразумеваться идеология, политика и социальная практика подчинения одних народов другими. Отметим, что в отличие от научных исследований, где учитывается все многообразие форм проявления национализма, в общественном сознании многих народов (в том числе и русского) преобладающей стала именно эта его негативная коннотация.

Конфликт (явный или скрытый) между титульным этносом или метрополией, с одной стороны, и национальными меньшинствами или коренным населением колоний — с другой, стимулировал *дальнейшее смещение акцентов* в интерпретации феномена национализма.

Прежде всего он стал отождествляться с *идеологией социального и культурного консерватизма*, поскольку в процессе формирования национального самосознания не просто фиксировалось представление об уникальности собственного исторического опыта, культуры и социального порядка, но и осознавалась необходимость их сохранения и культивации.

¹ См.: *Актон Дж.* Принцип национального самоопределения // *Нация и национализм*. М., 2002. С. 39–41.

² См.: *Гелнер Э.* *Нация и национализм*. М., 1991. С. 5, 24.

³ См.: Там же. С. 159–160.

Одновременно происходила концептуализация прогноза относительно будущего нации, осмысление той особой роли, которую она призвана сыграть в мировом культурно-историческом процессе. Таким образом происходила сложная трансформация национализма от *идеи нации* к *национальной идее*.

Вместе с тем опыт «национального поражения», неизбежного в истории некоторых народов, стимулировал развитие «*оборонительного*» национализма, в котором доминировали поиски новых или дополнительных оснований для восстановления национальной независимости и самоуважения. И в этих обстоятельствах национализм вновь выступает как *идея нации*, поскольку подразумевает в том числе и стремление народов к обретению собственной государственности и национальному самоопределению. Круг замкнулся...

Безусловно, этим не исчерпывается множество реальных проявлений национализма. Другой распространенный опыт его осмысления и типологизации восходит к традиции разделения наций на *гражданские (или политические)* и *этнические (или культурные)*. Соответственно и различные виды национализма, рассматриваемого под данным углом зрения, определяются либо как *гражданский*, воплощающий в первую очередь преданность и лояльность национальному государству, либо как *этнокультурный*, акцентирующий общность происхождения, языка, религии, культурных традиций, этническую принадлежность. Как отмечает Э. Хобсбаум: «У национализма есть много веских оснований желать, чтобы его отождествляли с принципом этнической принадлежности, — хотя бы потому, что он обеспечивает “нацию” исторической родословной, которая в подавляющем большинстве случаев у нее... отсутствует. Он делает это, по крайней мере, в регионах с древней письменной культурой вроде Европы, где в течение долгих эпох у этнических групп сохраняются одни и те же названия, хотя, быть может, они описывают весьма разные и изменяющиеся виды социальной реальности»⁴.

В контексте третьего подхода раскрывается сущность национализма с точки зрения его *субъекта*. Если речь идет об идеологии, политике и социальной практике, осуществляемой государством или политической элитой, то говорят об *официальном* или *государственном* национализме⁵. Если же подразумевается национализм как национально-освободительное движение, то за этой его разновидностью закрепилось наименование *массового*⁶.

Таким образом, если выделить из всего многообразия интерпретаций феномена национализма некую универсальную сущность, можно определить его как историческую форму этнокультурной идентичности и обеспечения социальной консолидации общества. При этом в каждой конкретно-исторической ситуации национализм актуализирует специфические основания, мотивацию, механизмы формирования и формы манифестации этнокультурной идентичности.

⁴ *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // *Нация и национализм*. М., 2002. С. 335.

⁵ *Андерсон Б.* *Воображаемые сообщества*. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 105–132.

⁶ Там же. С. 133–135.